

ИДОЛ.

МАРИ МАЛИНСКАЯ

Мари Малинская (Маша Малиновская)

Идол

Серия «Тёмная романтика
(Маша Малиновская)», книга 4

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73171778*

Аннотация

Встреча с кумиром оказалась для Лоры не воплощением мечты, а жестокой реальностью. Мир Матвея Зимина, фронтмена популярной группы, полон криминала, тайн и опасности, а каждый взгляд и каждое прикосновение становятся игрой с огнём. Он слишком опасен и слишком непредсказуем, а его чертовская притягательность может стоить ей не только разбитого сердца, но и жизни...

Содержит нецензурную лексику

Содержание

Счастливый билет (счастливый ли?)	4
Нечто	13
Только для меня	17
Почему?	24
Мамочки...	30
Одна	35
Было	41
Добби	47
Чизкейк и кофе	56
Боишься?	64
Странный разряд	69
Сюрприз	74
Неожиданное предложение	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Мари Малинская

Идол

Счастливым билет (счастливым ли?)

– Удачи! – администратор подмигнул мне, шлёпая печать на моём ярко-оранжевом флаере. – Если что, можешь найти меня тут, если не выиграешь.

Я сначала непонимающе моргнула, а потом поджала губы и забрала свой билет. Я стояла в толпе нескольких сотен красивых девушек, а администратор клуба решил подкатить именно ко мне? Или он наудачу каждой подмигивает?

Да пофиг, если честно. Не до подкатов мне сейчас.

Я опустила глаза на свой флаер – заветный билет на концерт любимой группы, на который мечтала попасть последние два года. Я, наверное, и весь десятый и одиннадцатый класс сидела за учебниками только для того, чтобы поступить в Москву и попасть на концерт «Тотем», вживую увидеть Матвея Зимина.

В сумочке завибрировал телефон, я отошла в сторону к самым дверям в зал клуба, пропуская остальных, и вытащила его. На экране светилась фотка моей школьной подруги

Вали, что осталась в родном Волгограде.

– Лора! – Завопила в трубку Валя, словно это не я в шумном месте была, а она. – Ты уже там? Ты видела его? Их всех? А барабанщик? Он правда покрасил волосы снова в пепельный?

Я отвела руку с телефоном в сторону, чтобы не оглохнуть от воплей подруги, и только когда она выдохлась, снова прижала к уху и усмехнулась.

– Валя, я только пришла, контроль на входе прошла. Начало через десять минут.

– Бли-и-ин! – раздосадовано простонала она. – А снимать можно? Кружочек мне запишешь? Может, сфоткаешь как-то ближе у сцены или после концерта. А лучше из гримёрной, может он там переодеваться будет!

– Валя! – Я закатила глаза. Кто бы не хотел сфоткать МаЗа в гримёрной, пока он переодевается! – Постараюсь! Но это я про кружочек или фотку со сцены!

– Эх, Лора, ни капли авантюризма в тебе, – подчёркнуто разочарованно простонала Валя. – Жду хоть что-то!

Сходить с ума по песням «Тотема» я начала в конце девятого класса. Они тогда взлетели во всех чартах страны и ближнего зарубежья. И не только я одна. Мне кажется, ни в школе, ни во дворе у нас не было того, кто бы не слышал их песни хотя бы однажды. Больше двух лет засыпала под нереально офигительный вокал Матвея Зимина – их фронтмена. Слушала на повторе бесконечно их синглы. Я просто греди-

ла побывать на их концерте, услышать вживую.

На моё совершеннолетие друзья подарили мне футболку с изображением Зимина и тысячерублёвую купюру с его автографом. И я точно знаю, что даже в случае крайней нужды ни за что её не потрачу.

Из зала послышался шум. Толпа начала волноваться, а те, кто ещё не успел войти, засуетились, подгоняя администратора, отмечающего билеты печатью.

Я бросила быстрый взгляд на себя в зеркало, чуть одёрнула короткое серебристое платье на тонких бретелях, откинула за спину рыжую длинную прядь и поспешила в основной зал клуба, где вот-вот должен был начаться концерт.

Я пробралась в зал, стараясь не задеть никого локтем, и остановилась ближе к середине, где ещё оставалось немного свободного пространства. Воздух в зале клуба ощущался густым и тёплым, пропитанным ароматом дыма и электричества. Свет мерцал, играя на стенах, а бас включённой фоновой мелодии будто дрожал прямо в груди.

Толпа вокруг густела и оживала. Компании молодых парней и девушек гудели в ожидании. Кто-то фоткался, кто-то просто покачивался в такт ритма или нетерпеливо обсуждал с друзьями предстоящее выступление.

Весь этот шум создавал странное ощущение одновременно возбуждения и предвкушения. Оно бурлило внутри, и мне казалось, что никогда ничего подобного я не испытывала. Я сжимала в руке свой флаер, ощущая каждый удар сердца.

И вдруг свет погас. На сцене вспыхнули прожекторы, ослепляя и заставляя на мгновение зажмуриться. В животе появилась тянущая пустота. Ожидание. Тишина перед бурей. А потом, словно разряд молнии, прозвучали первые ноты – гитарный риф, который я знала наизусть, и моё сердце ёкнуло.

Всё затихло. Замолчало. Послышался тихий ритм и мягко полился голос, от которого на всём моём теле встали дыбом волосы. Особенно на задней поверхности шеи. Под затылком.

Два луча прожекторов прорезали темноту, сделали оборот радиусом друг от друга и сошлись в центре, осветив высокую мужскую фигуру.

Матвей Зимин был на сцене.

За ним стояли трое гитаристов – ритм, соло и бас, которых я, конечно же, знала по именам. Сзади на высокой установке в зелёном дыму возвышалась массивная фигура барабанщика. Справа – клавишник. Но они меня совершенно не интересовали. Я как замороженная смотрела только на Зимина.

Ни по постерам, ни по видео в интернете не было понятно, насколько он высокий и массивный. Не настолько раскачанный, как барабанщик, по которому пускала слюни Валя, но крепкий, широкоплечий, с узкими бёдрами и длинными ногами.

Удлинённая смоляная чёлка волнами легла на высокий лоб, скрыв широкие брови. Из зала не видно, но я знала, что

у него светло-синие глаза, взгляд которых сейчас смотрел не с постера, а в реальности. А игра света на его лице подчёркивала полный какой-то ледяной решимости взгляд.

Чёрные, рваные чуть выше колен, джинсы, массивные ботинки и тёмно-рубиновая куртка ему невероятно шли. Футболки под курткой не было, и вся женская часть зала стала протяжно кричать, завидев идеально очерченные кубики пресса, покрытые татуировками.

Голос Матвея набирал силу. Глубокий, тёмный, раздражающий на части. Я стояла, затаив дыхание, ощущая каждую ноту прямо в груди. Сердце билось слишком быстро. Я не могла отвести глаз, не могла пошевелиться – только слушала и смотрела, как он двигается по сцене, словно весь мир подчинён ему, а я, как и все остальные, просто существую в этом ритме.

Толпа вокруг меня кричала и подпевала, но мне казалось, что я слышу только его, вижу только его. Каждая строчка песни, каждый взгляд в зал – словно он говорил только со мной.

Я прижала ладони к груди, пытаюсь успокоить сердце, но это было бессмысленно – оно продолжало колотиться в такт его голосу.

Они начали сразу с сингла. Без разогрева и излишних вступлений. Сразу били наповал ритмом и этим тягучим, мощным голосом, что, казалось, струился по венам. Сознание плыло, взгляд Зимина гипнотизировал толпу. Кажется,

у меня даже текли слёзы – настолько я была поглощена.

Барабанщик ударял по тарелкам так, что звук дрожал по всему залу. Бас гудел, вибрируя под ногами, и казалось, что пол сам пульсирует в такт песне. Гитаристы подыгрывали ему идеально, но всё внимание, всё электричество зала концентрировалось именно на солисте.

Я закрыла глаза на секунду и глубоко вдохнула, пошатнувшись на высоких каблуках. Этот запах – смесь сладковатого сценического дыма, алкоголя и физической энергии сотен людей, дышащих в такт с музыкой, пропитывал меня до костей.

Когда Матвей, зажав микрофон в руке, присел у края сцены, не прекращая петь, его голос стал обманчиво-мягким, и я почувствовала, как внутри что-то защемило. Но когда он взглянул в мою сторону, я вдруг ощутила странное тепло под грудью – будто он видел именно меня, хотя вокруг стояли сотни фанатов. Сердце бешено колотилось. Я вцепилась в билет, как в талисман, тяжело дыша.

Песню за песней зал кричал, аплодировал, пел вместе с ним. Я подпевала тихо, почти про себя, не отрывая глаз от Матвея. И мне захотелось взвыть от разочарования, когда «Тотем» ушли на короткий перерыв, а на сцене включился свет и вышел диджей.

– Друзья, вы чувствуете это? Чувствуете?! Ощущаете, как дышит ночь после такого великолепия?

Толпа взорвалась криками. Народ немного выдыхал и рас-

слаблялся после такого эмоционального наката.

– Но я хочу напомнить вам про одну маленькую деталь, – продолжил ведущий, и в зале клуба стало заметно тише. – Сегодня МаЗ и ребята из «Тотема» не торопятся домой после концерта. Потому что их ждёт встреча в ВИП-ложе с одним или одной из фанатов!

Крики и визг стали громче, две девушки рядом начали махать своими флаерами, только оранжевыми. Я же такой себе ни позволить не могла, ни успела бы купить, даже если бы у меня было достаточно денег. Да и сильно не рассчитывала на такую удачу, сейчас мне хотелось скорее снова увидеть «Тотем» и Матвея на сцене.

Возвращение группы разгорячённый зал встретил ещё большими овациями. А когда они закончили сет, взорвался криками. Финальная песня раскатала эмоционально не только меня, кажется, этому сумасшествию поддались абсолютно все. Свет прожекторов ослеплял, гитары ещё звенели, но в воздухе уже витала какая-то немного грустная магия конца. Матвей опустил взгляд на микрофон, улыбнулся чуть заметно и, казалось, сделал паузу специально для того, чтобы я успела вдохнуть это ощущение полностью.

А потом он ушёл. Первым. Ребята из группы доиграли финал и тоже покинули сцену. Я же стояла настолько опустошённая, что мозг никак не мог осознать, что мне пора приходить в себя.

Я даже вздрогнула, когда на сцену снова вышел диджей.

Он говорил о том, что дальше нас ждёт программа с одним из самых крутых диджеев Москвы – Ильёй Агаевым, но все ждали розыгрыш. И я тоже ждала. Хотела посмотреть на того счастливчика или счастливицу, что следующие несколько часов проведут с любимой группой.

Диджей продолжал говорить, в зале снова начали раздаваться крики, а я продолжала стоять и внимательно слушать.

– Ты придурок, Сергей! – Рядом взвизгнула девушка, в голосе её были слышны слёзы.

– Я тебе сказал, что ни на какую встречу ты не пойдёшь, если выиграешь!

– Иди ты к чёрту! – Теперь девушка уже плакала.

Я обернулась в её сторону чисто рефлекторно, потому что рядом раздалась возмущённая возгласы – эта девушка проталкивалась через толпу, вытирая пальцами слёзы. Я отступила на полшага, чтобы пропустить её, а она, даже не оглянувшись, ткнула мне прямо в руки что-то.

Опустив глаза, я увидела смятый оранжевый флаер.

Растерянно моргнув, я посмотрела на сцену, когда во всём зале клуба установилась тишина. На большом экране за спиной диджея бегущие потоком цифры затормозили на номере девяносто два. Я без каких-либо эмоций опустила глаза на светящийся в ультрафиолете смятый оранжевый флайер, который наугад мне ткнула та плачущая девушка.

На нём был номер девяносто два...

Прим. автора

*Пусть они о моей благодарности и не узнают, но я всё равно благодарю группу *Falling in Revers* и их песню «*God Is a Weapon*» в исполнении Ронни Радке, которая стала для меня гимном этого романа. Именно прослушав её всего раз, к последним аккордам у меня уже был готов образ Матвея и полностью сюжет. Сколько раз я переслушала эту композицию в процессе написания, вы даже не представляете))*

Нечто

Матвей

Я вылил остатки воды из бутылки на голову и встряхнул волосами. Это помогло немного остудить жар в висках и сделать чуть более спокойный и плавный вдох.

– Матвей! – послышалось, кажется, из ниши перед невысокими ступенями.

Чуть притормозив, я обернулся и присмотрелся. Зрение в полутёмном с красной подсветкой коридоре ещё не адаптировалось после ярких софитов сцены.

– Чего тебе, Гарик?

Этого обсоса ещё не хватало. Ещё и с какой-то тёлкой, что переминалась с ноги на ногу, неотрывно глядя на меня.

– Матвей, слушай, есть просьба, – услужливо оскалился придурок.

Просьба, блять, у него. Не напросился, похоже, ещё.

Гарик был помощником нашего концертного директора, но потом мы узнали, что этот кусок дерьма в крысу фоткает нас с парнями в раздевалках и гримёрках и толкает фотки бабам в интернете за немалые суммы. Сложно забыть, как он пускал пузыри из соплей, умоляя не чистить унитаз его

лживой рожей. Мы его отпустили, потому что Гарик обещал порешать проблемы Богдана, нашего басиста, в универе.

Но, кажется, Гарик сложнообучаем уж совсем.

– Пожалуйста, можешь дать автограф моей девушке. Наташе. Она твоя фанатка!

Ну зачем ты выбрала такое чмо, а, Наташа?

Ладно.

Вытерев лоб от стёкшей с волос воды, я спустился ближе к парочке и подошёл вплотную к застывшей девице. Невысокая, чуть полноватая с пушистыми светлыми кудрями. Деревенская курочка.

– Ручку забыл, Наташа, – я чуть наклонился к девчонке, боковым зрением отметив, как напрягся Гарик. – Так давай, окей?

Обхватив её подбородок всей пятернёй, я наклонился и смачно провёл языком по щеке вздрогнувшей курочки. Та быстро задышала и отступила на шаг, когда я её отпустил. Гарик же побледнел как полотно – даже в полутьме коридора было видно.

В следующий раз баб своих ко мне таскать не будет, дятел.

Подмигнув курочке, я развернулся и пошёл дальше, куда и шёл, оставив парочку наслаждаться моментом. Этой кудряшке лучше свалить от Гарика сейчас, для неё самой полезнее будет.

Сзади послышался шум – парни тоже ушли со сцены. Я закурил и подождал их, и мы начали подниматься на второй

этаж. Сегодня в планах было хорошо расслабиться в закрытой вип-ложе клуба. Только надо в душ ещё попасть, потому что я мокрый насквозь, как и после каждого концерта.

В этом клубе вип зона охренительная. Бархат и прочее подобие БДСМ-комнат я терпеть не могу, а здесь больше чёрного и золота, подсветка выстроена грамотно – не слепит, не заставляет себя чувствовать кротом. Тут внутряк больше напоминает космический корабль. Кайфово.

Пока я пошёл в душ, который тут же, в этой зоне, парни, обсуждая сегодняшний концерт и публику, уже расположились на кожаных диванах. Улыбчивые официантки внесли жратву и бухло. После концерта как в сухую землю всё пойдёт.

Я принял душ не спеша. Нужно было смыть с себя не только пот, но и постараться расслабить мышцы, которые после каждого выступления словно после спортзала – в диком напряге и с крепатурой на следующее утро.

Переодевшись в свежую футболку и джинсы, я взлохматил волосы, чтобы быстрее просохли, и вышел к парням.

– Не задалбывай, Лёха, – морщится Стас, наш барабанщик, откидываясь на спинку дивана лениво. – Мы устали.

– Я всё понимаю, парни, но у вас обязательства. Общение с группой и условное свидание с солистом – хороший маркетинговый инструмент, на котором мы за раз поднимаем больше ляма даже на таком небольшом концерте. Чисто на этих билетах для розыгрыша. Так что немного придержите

свои поводы и мило пообщайтесь часик-полтора с выигравшей фанаткой.

Алексей – наш главный менеджер. Любит командовать и бесить нас до ужаса. Но он хорошо знает своё дело, и за это мы ему и платим.

– А фанатка хоть хорошенькая? – гикнул Даня, наш соло-гитарист. – В рот берёт?

– Это уже как договоритесь, – закатил глаза Алексей. – Главное, чтобы не за рамками закона всё. Возможно, просто девчонка. Если что – маякните. Для продолжения банкета найду всё, что надо и всех, кого надо.

А это ещё одна охренительная черта Алексея Воробьёва. Он как блядский фокусник – всё и всегда достанет из шляпы, стоит намекнуть.

– Ладно, веди эту счастливицу фанатку, – ухмыльнулся Стас. – Мот вон уже и помылся. Готов.

Я выстрелил ему фак и потянулся с уже наполненному огненным коктейлем стакану. Из-за подготовки к концерту секса не было уже больше двух недель. Скоро в ушах пульсировать начнёт, так что... посмотрим, что там ещё за курочка.

Не успели мы с парнями закончить ржать над Богданом, который сегодня зашёл не с той партией, когда мы играли «Чудовища», как дверь ложи снова распахнулась, и мы все посмотрели туда.

Там стоял Антон, но уже не один. Рядом с ним мялось перепуганное, дрожащее нечто с огненно-рыжей копной.

Только для меня

Матвей

Нечто обвело перепуганным взглядом комнату и заметно побледнело.

– Парни, это Лора – победительница нашего розыгрыша билетов «Свидание с „Тотем“», – торжественно сообщил Алексей, а потом повернулся к девчонке. – Лора, а это парни из «Тотем». Но ты и сама это знаешь. Добро пожаловать!

Она посмотрела на нашего менеджера, потом снова перевела взгляд на нас, прошлась по всем и остановилась на мне. Моргнула и заметно сглотнула.

– З-здравствуйте, – кивнула, потрянув рыжей копной, но продолжила стоять как вкопанная.

Здравствуйте...

Пиздец. Упасть и не встать.

– Ну привет, Лора, – мило, как гиена, улыбнулся Стас.

– Кажется, с «в рот» мы пролетели, – тихо шепнул мне на ухо Адриано, наш соло-гитарист. – По крайней мере с ней.

Это да. Надо чтобы Лёха ещё уточнил, есть ли ей вообще восемнадцать. А то на вид сомнительно. Мало ли. Билеты на концерт в принципе только совершеннолетним продавались,

но малолетки как только не пытаются обойти правила.

– Проходи, Лора, – снова разулыбался Алексей, мягко подталкивая девчонку к свободному месту по центру дивана у столика. – Думаю, за ближайшие пару часов ты сможешь узнать ребят получше, сфоткаться и получить подписанные сувениры с пожеланиями от участников группы. – Лёха выложил на столик серебристую сувенирную табличку с гравировкой и диском, а также маркеры для подписей.

Рыжуля опустилась на диван, но ощущение, что села голлой задницей на горящие угли. Она почти не дышала. А ещё практически не отрывала взгляда от меня. Парни это заметили и начали переглядываться. Я прекрасно знал, что потом это выльется в очередной ржач.

Ещё одна дурочка, влюблённая в образ на постерах. Тихая домашняя девочка, рисующая сердечки на полях своего скетчбука под музыку в розовых наушниках с кошачьими ушками.

Мелкая, худая, сисек нет почти. Глазищи на пол лица и длинные рыжие волосы, которые я бы принял за тяжёлый парик, как у стриптизёрш, если бы не почти такие же, чуть темнее, рыжеватые брови и веснушки на худеньких молочных плечах. На лице, наверное, замазала штукатуркой, но обнажённые плечи выдали её.

Такие не в моём вкусе. Я люблю сочных, у которых в глазах секс, которые готовы на эксперименты и риск. А эта что? Она же в обморок грохнется, если я только притронусь к ней.

– Ну общайтесь, не буду мешать, – Лёха снова расплылся Чеширским котом и исчез, прикрыв за собой дверь, оставив нам девчонку как жертвоприношение на алтаре.

Она резко выдохнула и попыталась дёргано улыбнуться. Сжала пальцы в кулаки и снова по-щенячьи посмотрела на меня.

– Ну расскажи нам, Лора, что-нибудь о себе, – Даня включил обаяшку. – Чем занимаешься?

– Я... учусь, – чуть прочистив горло, выдала лисичка. – В Политехе. На первом курсе. На журфаке.

– Ого! – Даня вскинул брови и покачал головой. – Круто! Будущая акула!

Девчонка смущённо уронила взгляд, но потом снова подняла, несколько дольше задержав на мне.

– Будущей журналистке Лоре! – Роман схватил сувенирную доску и маркер и первым сделал росчерк.

– А будущая журналистка Лора шампанское пьёт? – Стас потянулся к пустому бокалу и бутылке.

– О... нет, – замотала головой лисичка, заёрзав. – Спасибо, я не буду.

Интересно, правда не пьёт или цену набивает?

Надеюсь, это просто проявление наличия мозгов, и она понимает, что пить в компании шестерых парней в ночном клубе – чревато последствиями. Непростыми для неё последствиями.

Или всё-таки цену набивает?

Это можно проверить.

Я потянулся к Стасу и забрал у него бокал и бутылку. Откупорил её под молчаливое наблюдение всех присутствующих, налил шампанского в бокал и протянул девчонке прямо в руки.

Она замешкалась, несколько раз моргнула, а потом прикусила нижнюю губу, сглотнула и несмело протянула руку.

Так я и думал.

Лора сжала тонкие холодные пальцы на ножке бокала, едва заметно выдохнув, когда её кожа соприкоснулась с моей.

Интересно, если я продолжу смотреть ей в глаза, она кончит?

Меня почему-то разобрал смех, но удалось его сдержать. Однако потом фантазия яркими кляксами в мгновение показала картину, как рот девчонки приоткрывается в немом стане, как она запрокидывает голову, когда я сжимаю её рыжие волосы, как прикрывает глаза и кончает.

Вот блять.

И нахера мне это?

Бред.

– Пей, – отдал ей приказ спокойно и ровно.

Интересно, подчинится?

Подчинилась.

Поднесла бокал к губам и сделала небольшой глоток. Потом ещё один и поставила бокал на стол.

Дура.

Её, конечно, никто не тронет из парней. Всем уже понятно, что она из себя представляет. Никому не нужно, чтобы она потом утром проснулась, вспомнила, что дала шестерым, и в башке её рыжей переклинило.

Значит Алексею придётся поискать подходящие варианты, потому что я сегодня намерен потрахаться.

Потеряв к лисичке интерес, я откинулся на спинку дивана, позволяя Богдану переключить на себя внимание девчонки. Он любил болтать с фанатками, они с Даней куда охотнее раздают автографы, позируют для фото и занимаются прочей лабудой.

Вот и сейчас они расспрашивали лисичку то об одном, то о другом. Она немного расслабилась и охотно им отвечала, но время от времени переводила глаза на меня и явно неосознанно облизывала губы. Я сидел к ней ближе всех, и так как время всё равно нужно было скоротать, пока фанатская встреча закончится, наблюдал.

Заметил, как Лора выпрямила спину и напряглась, когда я закинул руку на спинку дивана сзади неё. Просто мне так было удобнее, без намёка, девочка. Да и диван достаточно глубокий, чтобы между моей рукой и тобой оставалось сантиметров сорок.

А потом то ли система кондиционирования и вентиляции заработала сильнее, то ли откуда-то взялся сквозняк, и до меня донёлся запах волос лисички. Чуть сладковатый, с нотками ванили и шоколада.

Внутри всё странно завибрировало, и эта вибрация спустилась ниже. Внизу живота стало тепло, а член моментально закаменел.

Серьёзно, Матвей? Тебя возбудил запах... мороженого? Это же мороженое так пахнет?

Пока Лора рассказывала Дане, как когда-то пыталась учиться играть на гитаре, я потянулся к её волосам, взял тонкую прядь двумя пальцами и поднёс к носу, втянув этот вкусный запах ближе.

Девчонка дёрнулась, сбившись. Тонкие пальцы добела впились в смартфон. В отражении зеркальной колонны напротив я увидел, как её глаза на мгновение расширились. Словно в макросъёмке, мой взгляд привлекли мурашки, которые тут же покрыли обнажённую кожу её плеч.

Испугалась, лисичка?

А что в твоём понимании имелось ввиду под свиданием с любимым исполнителем?

Стихи, думала, читать тут толпой тебе будем?

Не этого хотят козочки, стремящиеся попасть на свидание с нами.

Со мной.

Лисичка сегодня будет только для меня.

Пропустив прядь через пальцы, я отпустил её волосы, а потом поднялся с дивана. Парни переглянулись с пониманием.

– Идём, – протянул руку Лоре, игнорируя панику в её гла-

зах.

Почему?

Лора

– Идём.

Матвей протянул мне раскрытую ладонь, а парни замолчали. Я подняла на него глаза, сначала растерявшись. Подумала, что утомила их своим присутствием, и что мне пора на выход.

Но в глазах Зимина я заметила странное выражение, от которого моя кожа тут же покрылась мурашками, как минуту назад, когда он неожиданно взял прядь моих волос и поднёс к носу. Где-то в животе всё сжалось и затрепетало, а в ноги ударил жар.

В груди разлилось странное вяжущее ощущение. Мне казалось, что воля моя осталась где-то за порогом, и я готова, словно под гипнозом, выполнять всё, что он мне скажет.

Облизнув пересохшие губы, я, как безвольная кукла, подняла руку и вложила свои пальцы в ладонь Матвея. Тот тут же сжал их крепче и потянул за собой, а я послушно последовала за ним.

Пока мы шли через ложу, совсем не в сторону выхода, моё сердце билось так быстро и гулко, что я не слышала ни цокот

та острых каблуков своих туфель, ни музыки, что играла тут. Да я даже ног не чувствовала, переставляя их на автопилоте, да и дышала, кажется, через раз и то с трудом.

Матвей завёл меня за тяжёлую бархатную шторку и задёрнул её за нами. Здесь как будто было продолжение ложи – те же цвета и подсветка, было большое панорамное окно в основной зал клуба, где и проходил концерт. Наверное, с той стороны оно было непрозрачным, потому что из зала были видны только тёмные стеклянные панели, а вот отсюда всё было прекрасно видно – и диджейский пульт, и танцующую толпу.

А ещё тут у противоположной стены этой узкой комнатки стоял диван и напротив него от пола до потолка высился блестящий металлический шест.

Я осмотрелась, а потом подняла глаза на Зимина. В груди тут же что-то болезненно толкнулось, а потом сжалось. Ярко-синие глаза МаЗа, которые я по постерам изучила до мельчайшей крапинки в этой глубокой синеве, сейчас казались настолько тёмными, что почти чёрными.

Он был пугающе красив. Мне хотелось ущипнуть себя, чтобы осознать, что я точно не сплю, в очередной раз провалившись в небытие в наушниках под его голос.

Матвей продолжал смотреть на меня молча. А о том, что он подошёл совсем близко, я осознала не сразу и как-то внезапно, отчего меня словно горячей волной накрыло. Щёки обожгло, дыхание сбилось, в кончиках пальцев тревожно за-

кололо.

– Слишком хрупкая... – Зимин сказал это тихо и как будто сам для себя, а не обращая ко мне. Но потом его взгляд сфокусировался на моих глазах. – Уверена, что выдержишь?

– Выдержу что? – Мой голос прозвучал едва слышно и был больше похож на шелест.

Нет, я не идиотка, но я абсолютно не хотела слышать ни доводов разума, ни чувство самосохранения, в истерике стучавшего в толстое стекло моего очарованного мозга. Я словно свеча оплывала под демоническим, лишаящим воли взглядом того, кого считала своим идолом. Я столько времени всматривалась в его образ и вслушивалась в его чарующий голос, что сейчас разум просто отказывался воспринимать его как реальность, как живого человека из плоти и крови.

– То, зачем ты сюда пришла, Лисичка.

– Я... – слова застряли, а из лёгких вырывался рваный выдох, когда Матвей поднял руку и сначала мягко нажал большим пальцем мне на нижнюю губу, а потом спустился им по шее и провёл по моей груди – по обнажённой коже прямо над линией декольте платья.

В момент я ощутила себя абсолютно голой. Короткое серебристое платье без бретелей, которое я специально купила для концерта, словно испарилось, оставив меня полностью открытой и беззащитной.

Снаружи из-за шторы послышался звон битого стекла, но

МаЗ никак не отреагировал, даже глазом не повёл, меня же этот звук словно отрезвил. Будто с этим стеклом разбилось и то самое, калёное, из-за которого так долго и безуспешно пыталось пробиться опоздавшее чувство самосохранения.

Стало страшно.

Очень страшно.

Будто ледяной водой обдали и на мороз выставили.

Я почувствовала, как в коленях появилась уже совсем другого характера дрожь.

Сжав плотно губы, я сглотнула и, продолжая смотреть Матвею в глаза, отрицательно качнула головой.

В ответ он лишь едва заметно приподнял бровь и чуть склонил голову на бок, продолжая рассматривать меня, словно кот мышь перед тем, как вцепиться в неё клыками.

– Поздно сдавать назад, Лора, – на его идеально-красивом лице мелькнула улыбка и тут же потухла, когда он сделал ко мне решительный шаг, сокращая между нами последний метр.

Всё моё тело бросило в жар в этот момент, а желудок сжался от страха. Я в панике подалась назад от него, но буквально через несколько шагов упёрлась спиной в стену, а руки Матвея заключили меня в ловушку, встав рядом с головой.

Мне стало нечем дышать. Нечем – кроме его дурманящего запаха.

Недосягаемая сказка вот-вот должна была разбиться о

жуткую реальность, и даже от осознания только этого факта меня начинала бить крупная дрожь.

Зимин оторвал одну руку от стены и снова, как там, в общем зале VIP зоны, пропустил сквозь пальцы прядь моих волос, потом, едва касаясь, погладил тыльной стороной кисти моё плечо до локтя.

– Не надо, – прошептала я, ощущая, как во рту стало сухо, а в горле появилась горечь. – Пожалуйста.

– Не надо? – Матвей с недоумением свёл брови. – Почему? Я не стану делать тебе больно, Лисичка. Нам обоим понравится.

Страх отдавал пульсацией в затылке, но вместе с ним я снова стала ощущать волнуемое покалывание под ложечкой. Электрической вспышкой в мозгу блеснула мысль – а что если...

Многим ли повезёт потерять невинность со своим кумиром? С тем, о встрече с которым грезила так долго? Просто о встрече!

Моя подруга Эля бы сказала, что будет что вспомнить!

Но... мне слишком страшно. Я кожей ощущала, насколько МаЗ... опасен. И то, что мне казалось, я знаю его – лишь иллюзия.

Я знаю образ на сцене, но я понятия на самом деле не имела, что он за человек.

Нет.

Нельзя.

И едва я набрала воздуха в лёгкие, чтобы ещё раз, насколько смогу твёрдо, сказать «нет», как Матвей наклонился и прижался своими губами к моим. Жёстко, властно. Лишив меня малейшей попытки на сопротивление.

Меня словно в кипящую лаву столкнули. Каждая клеточка в теле подверглась ядерной реакции. Волоски на руках встали дыбом, ноги подкосились. Я собрала все свои силы и попыталась оттолкнуть его, но Зимин и сам отпустил меня и замер, весь напрягшись. Потому что где-то в клубе раздались три громких коротких выстрела.

Мамочки...

Лицо Зимина в момент стало жёстче, черты заострились. Он отстранился и чуть наклонил голову, прислушиваясь. За окном в основном зале раздались крики, вспыхнул свет.

– Боже мой... – прошептала я, ощущая, как внутри всё леденеет от страха.

Там же сейчас такая давка начнётся... И мне тоже нужно выбираться, но я понятия не имею, куда бежать и что делать! Мамочки...

В горле моментально стало сухо, и я почувствовала, как моя нижняя губа начала дрожать. Я вонзила ногти в ладони в попытке вырубить панику, переключив внимание на физическую боль, но это помогло мало. А точнее никак.

– Пошли, – Матвей схватил меня за руку и потянул за собой.

– Куда?! – Мой голос неожиданно для меня самой сорвался на истерический визг.

– Подальше отсюда.

Больше он ничего не сказал. Вытащил меня за руку в общий зал вип ложи, где другие парни из «Тотем», тоже переполошившись, ждали нас.

На их лицах не было и капли той расслабленности и ленивого веселья, что пять минут назад.

– Держи, Мот, – барабанщик швырнул Матвею рюкзак,

тот поймал его на лету. Остальные тоже похватали куртки и телефоны.

Быстро расстегнув рюкзак Зимин вытащил оттуда... пистолет.

Самый настоящий!

Я замерла, не дыша. Хоть в реальности никогда оружия и не видела, но почему-то была уверена, что это совсем не зажигалка.

Меня сковало новой волной ужаса, и я попятилась назад, пока Зимин с ледяным спокойствием и абсолютной отточенностью каждого движения проверил пистолет, передёрнул его верхнюю часть, а потом быстро засунул за пояс джинсов.

Он не выглядел ни испуганным, ни растерянным. Взгляд, движения – абсолютная концентрация и сосредоточенность. Словно... словно для него это была обычная жизнь. Что-то совершенно привычное.

– Надень, – он выдернул из рюкзака чёрную объёмную ткань и бросил мне. Но когда я, словно парализованная, продолжала стоять и смотреть на него, нахмурился и прикрикнул: – Быстрее, Лора!

Его строгий, хоть и негромкий, окрик вытолкнул меня из ступора, и я развернула ткань дрожащими руками. Это была толстовка. Большая, чёрная, явно мужская. Она пахла... как он.

Всхлипывая и едва совладав с тремором рук, я всё же нашла нижний край и натянула толстовку через голову, просу-

нула руки в рукава. Она оказалась сильно велика на меня, доходила почти до колен, полностью скрывая платье.

– Волосы тоже спрячь, – бросил Матвей на ходу, уже таща меня за локоть к двери.

Я не понимала, что происходит и что мне делать. Мне хотелось зажмуриться и в момент оказаться в своей комнате в общежитии, потому что в реальность происходящего было поверить очень сложно. И мне было очень страшно. Страшно настолько, что мозг отказывался думать. Второй рукой я свернула волосы жгутом и затолкала за шиворот, натянула капюшон и безропотно бежала за МаЗом, потому что понятия не имела, что делать. Если бы он бросил меня сейчас, я бы просто забилась в какой-нибудь угол и закрыла глаза ладонями. И не встала бы, пока всё не закончилось.

Первым по коридору шёл Стас, за ним Адриано, потом Матвей и я, остальные парни сзади. Свернув за угол, мы слышали ещё два выстрела. Я не смогла сдержать вскрик и зажмурилась, но Зимин припустил почти бегом, крепко зажимая в одной руке пистолет, а в другой моё запястье.

– Мот, это те, о ком я думаю? – На бегу негромко спросил Роман.

– Да. Уверен, они. Нужно связаться с Шорохом. На крайний – с Артистом или Немцем.

Божечки, кто все эти люди? И что-то мне подсказывало, что знать мне о них совсем не следует.

– Ох! – у меня вырвался ещё один вскрик, когда мы спу-

стились по пролёту ступеней. Бежать на шпильках было совсем неудобно, и я подвернула ногу на последней.

Зимин притормозил, бросил на меня короткий взгляд, а потом, ничего не говоря, наклонился, и через секунду картинка перед моими глазами закружилась, а живот упёрся в его твёрдое плечо.

Он просто перебросил меня через плечо, словно я мешок с сахаром, и без какого-либо напряжения продолжил бежать по коридору, будто я совсем ничего не весила.

Я чувствовала его горячую ладонь на своих бёдрах, у самой кромки моего короткого платья, и это ощущение прорвалось даже сквозь леденящий страх от всего происходящего. Он мог бы держать меня и чуть ниже.

Я моргнула, пытаюсь рассеять хаос в своей голове. Сейчас, в этой сумасшедшей суматохе, последнее о чём следовало беспокоиться, так это о руке МаЗа возле моей задницы.

В живот больно давило его плечо, и я попыталась чуть отодвинуться. Зимин же на ходу чуть поправил меня на плече, а потом... потом я подняла голову, и дыхание сбилось.

– Там! – взвизгнула я, увидев в конце коридора сзади нас двоих. И они явно были с оружием! Божечки!

Меня резко замутило, и я изо всех сил вцепилась в футболку Зимина, когда он резко развернулся. Роман и Данил в мгновение отклонились в разные стороны, а Матвей... сделал в сторону бегущих несколько выстрелов. У меня заложило уши от резкого звука, а в глазах тут же потемнело от

страха, и я даже не увидела, что же случилось с теми, кто нас преследовал. Все силы ушли на то, чтобы сдержать тошноту, а потом я отключилась.

Одна

Глаза я открыла с трудом. Голова гудела и мне было жарко. Единственным желанием было зажмуриться и снова уснуть, но потом в памяти вспыхнули воспоминания вчерашнего вечера и я, резко втянув воздух, села на постели.

На постели...

Голова закружилась от резкой смены положения, и мне пришлось сдавить виски пальцами, чтобы немного притормозить его. И когда это всё-таки удалось мне, я распахнула глаза и ошалело осмотрелась.

Я находилась в квартире. В довольно большой студии с высокими потолками и огромными в пол окнами, сейчас закрытыми тяжёлыми темно-зелёными шторами.

И хоть шторы и были явно блэкаут, я смогла определить, что за окном светло.

О! Вот блин!

Значит, уже наступил следующий день.

Внутри всё сжалось, в груди вспыхнуло. С опаской и замирающим сердцем я сначала перевела взгляд на постель рядом.

Никого. И не примято.

Потом откинула тяжёлое одеяло в пододеяльнике тёмно-кирпичного цвета и посмотрела на себя, задержав дыхание.

На мне по-прежнему было надето моё серебристое платье, которое теперь показалось слишком... шлюшьим.

Толстовка Зимина лежала на плетёном кресле недалеко от кровати, там же на полу стояли мои туфли на шпильке.

Я прислушалась. Не похоже было, что в квартире был кто-то ещё.

Откинув одеяло, я осторожно встала на пол босыми ногами. Ну почти босыми – тонкий капрон колготок особенно не менял ситуацию.

Пол оказался прохладным, но стоило сделать шаг, и я ступила на мягкий каракулевый ковёр, и пальцы ног обволокло приятным теплом.

Я прошла по квартире, стараясь ступать тихо. Но ни в кухонной зоне, ни в ванной, ни на втором этаже, который занимал место над кухней и являлся открытым небольшим спортзалом, никого не обнаружила.

Тогда я подошла к окнам и распахнула шторы. Голова тут же закружилась, потому что я увидела улицу как на ладони, а обычные легковые автомобили казались размером с детскую машинку.

Квартира была этаже на двадцатом, если не выше. И огромные окна в пол заставили отпрянуть от них, резко выдохнув. Я жутко боялась высоты.

Мысли заметались.

Где я? Куда Матвей привёз меня? Где моя сумочка и телефон?

И сколько вообще сейчас времени?

Мама, наверное, с ума сходит там!

Она хоть и жила почти за тысячу километров, но всё никак не могла привыкнуть, что я теперь в Москве, далеко от неё. Мы созванивались каждый вечер. А что я пошла на концерт – ей и не сказала. Она бы волновалась слишком и, уверена, звонила бы мне каждые полчаса. В лучшем случае.

Но даже и будучи в неведении, мама точно подняла панику, что я не отзвонилась ей вечером!

Я снова дёргано осмотрелась. Внутри страхом пульсировала мысль, что меня здесь заперли, лишив не только возможности уйти, но и связи.

На столике у дивана телефона не было. Возле кровати на тумбочке тоже. Как и на полке у двери.

Я попыталась открыть входную дверь, нажав на ручку, но та не поддавалась. Кодовый замок с тёмной электронной панелью возмущённо пискнул, загорелся красным и даже высветил сенсорную цифровую панель, но тут же потух.

Здесь нужен цифровой код, который мне, конечно же, был неизвестен.

Стало трудно дышать. Квартира просторная, большая, но осознание того, что я без связи в замкнутом пространстве на чёрт знает каком этаже, пугало до жути. Вообще всё произошедшее со мной вчера пугало до жути и казалось нереальным.

Я зажмурилась и сосчитала до десяти, стараясь замедлить

разгоняющееся сердце. Так не к месту в памяти всплыли картинки из старого фильма «Ножницы» с Николь Кидман, в котором героиню планомерно сводили с ума, заперев в какой-то квартире.

Я подошла к кухонной зоне и открыла кран с водой. С секунду смотрела на шипящую быструю струю, потом набрала полные пригоршни и на секунду погрузила в холодную воду лицо.

Дыхание сбилось, я стряхнула воду и вдохнула глубже и чуть легче. Но тут же вздрогнула от резкого громкого звука – рядом на столешнице зазвонил мой телефон.

Он лежал вниз экраном, белый на белой столешнице, потому я сразу его и не заметила! Но тут же схватила и увидела, что звонит незнакомый номер.

– Слушаю? – прижала к уху.

– Добрый день, – сказал мужской голос. – Лора?

– Да, это я, – сбивчиво ответила в ожидании, что он продолжит.

– Я Максим, таксист. Мне сказали отвезти вас домой. Я жду у подъезда, вы готовы спуститься?

Я быстро заморгала, ощущая, как напряжение немного начинало отпускать, но тут же встрепенулась.

– Я... готова, но вряд ли смогу выйти, я не знаю код двери квартиры.

– А, да! Простите. Код: четыре один двенадцать. Я припарковался у шлагбаума. Поездка уже оплачена.

Всё ещё держа смартфон у уха, я подошла к окну и выглянула из-за шторы, не уверенная, что окна выходят на ту сторону, где ждёт машина. Но тут же заметила на выезде из двора шлагбаум и припаркованный за ним белый внедорожник. Что ж, это явно не эконом, если это вообще, конечно, такси.

Последняя мысль вызвала напряжение, но я сказала себе, что Зимину точно незачем подсылать ко мне странную машину, если я и так нахожусь у него взаперти. Или не у него, но с его ведома.

Незачем же? Правда?

Так или иначе выбора у меня всё равно не было. Можно было попытаться выскользнуть из квартиры и сбежать, но я отмела эту мысль. Если бы со мной хотели сделать что-то плохое, то сделали бы это, когда я была без сознания, а не укладывали бы в постель в шикарной квартире.

Я было метнулась за своими туфлями, рядом на столике заметила свою небольшую сумочку, но застыла, увидев себя в большое зеркало. Платье снова показалось мне слишком откровенным, особенно для дня. На кого я похожа в нём вообще?

Неудивительно, что Матвей вчера предложил мне...

При воспоминании о том, как он отвёл меня за шторку и непрозрачно намекнул на продолжение, у меня моментально пересохло во рту, а щёки обожгло жаром. Губы словно снова ощутили его грубый горячий поцелуй, прервавшийся из-за тех выстрелов.

Что было бы дальше, если бы не эта суматоха?

Ох...

Я снова посмотрела на себя в зеркало и, помедлив, взяла толстовку МаЗа, которую он вчера сказал мне надеть. Чувствовала себя воровкой, но ведь он не забрал её. Может, специально оставил? Куртка-то моя осталась в клубе, а уже была осень. Будет странно, если я выйду сейчас на улицу в таком открытом платье. Да и холодно, вообще-то.

Я пообещала себе, что обязательно верну Матвею его вещь, если представится возможность, натянула его толстовку, взяла свой телефон и поторопилась скорее отсюда.

Было

– Лора! – Эля подскочила с места, едва я вошла в нашу с ней комнату в общежитии. – Ты где была?! Я звонила тебе! Раз сто, наверное!

– Прости...

Я виновато посмотрела на подругу, она же покачала головой.

– Ты вообще адекватная? – спросила мягче. – Почему не отвечала? Где ты была? Всё в порядке? Интернет гудит, что вчера на концерте была стрельба, я тут едва с ума не сошла! И... – Эля прищурилась, зацепившись взглядом за толстовку МаЗа на мне. – Что это на тебе за вещичка?

– Это... Зимина, – я решила не врать ей. Зачем?

Эля замолчала так внезапно, что меня оглушило тишиной. Она несколько раз быстро моргнула, открыла рот, потом захлопнула его и свела брови.

– В смысле... Матвея Зимина? – медленно проговорила она.

– Угу, – я кивнула и облизнула губы.

– Которую ты... случайно нашла? – с сомнением, всё так же медленно выдавила моя соседка.

– Нет, – я пожала плечами. – Он сам дал мне её. Я выиграла свидание с «Тотем», это как бы долгая история...

Договорить мне Эля не дала. Она завизжала так внезапно,

что я вскинула руки, чтобы заткнуть ладонями уши. Эля же бросилась ко мне, обняла, потом, продолжая громко вокализовать, запрыгала на месте.

– Ого! Ого-го-го!!! – пищала она. – Ты с ним! Нифига-а-а! Нифига себе!

Попав под эмоциональный поезд по имени Эля, я застыла, переживая эту атаку. Так было безопаснее.

Эля пару раз хлопнула в ладоши, а потом замерла, заговорщически прищурилась и прошептала:

– Ты с ним переспала?

– Что? – мои щёки тут же вспыхнули жаром. – Нет!

– С кем она переспала? – В комнату вошла Ждана, наша третья соседка.

– Да ни с кем я не спала! – Закатила глаза я, а Ждана разочарованно поморщилась.

– Но ты пришла в его толстовке! – Недоверчиво возмутилась Эля.

– В чьей толстовке? – Недоумённо уставилась Ждана.

– В толстовке Матвея Зимина! – Торжественно объявила Эля, и мне захотелось её стукнуть. Зачем же так громко? Вся общага в курсе сейчас будет.

Лицо Жданы вытянулось, глаза округлились. Она кашлянула, но, слава Богу, не была такой эмоциональной, как Эля.

– Хорошо, что не в толстовке их барабанщика. А то я бы расстроилась.

Эля закатила глаза, раздражённо выдохнув. Пока мы с ней

пускали слюни на Зимина, Ждана наших восторгов не разделяла, предпочитая повесить над своей кроватью постер Стаса Бонаева – барабанщика «Тотем». К слову, моя подруга Валя, из Волгограда, тоже сохла именно по нему, хотя иногда не могла определиться, кто же ей нравится больше – Бонаев или итальянец Мэрлини, их гитарист.

– Так, слушайте, – я подняла руки и проговорила максимально строгим голосом. – Я выиграла «свидание», мы немного пообщались с парнями, а потом началась эта стрельба и суматоха, Зимин дал мне свою толстовку, потому что нужно было убираться из клуба, а моё платье было слишком... заметным. И всё, мы ушли.

– И было это в...? – Эля выгнула бровь. – А пришла ты в десять утра.

– Я от страха отключилась, когда начали стрелять, а потом проснулась в пустой квартире, за мной приехало такси, и вот я тут.

Мои соседки смотрели на меня так, будто я им рассказала полнейшую небылицу. Со стороны, в общем-то, так и звучало. Но ведь это была правда! О том, что Матвей предлагал мне развлечься, я решила не говорить. Мне было... стыдно. А ещё слишком волнительно думать об этом, не то что рассказывать вслух кому-то.

Девчонки переглянулись.

– Ладно, – махнула рукой Эля. – Но молчать о таком – преступление!

Я не успела даже ничего сказать, как она схватила свой смартфон и навела на меня камеру:

– А вот и наша девочка! Та, что выиграла эту жизнь, выиграв свидание с «Тотем», – Эля расплылась в своей фирменной идеальной улыбке. – И-и-и... посмотрите, в чём она пришла под утро! В Толстовке самого Матв...

– Эля! – Я, спохватившись, закрыла камеру ладонью, но подруга рассмеялась.

Эля была довольно успешной и популярной блогершей, у неё только в Тик Ток было больше пятидесяти тысяч подписчиков!

– Ты же не... – я посмотрела на неё округлившимися глазами. – Ты же не «кружочек» снимала?!

– А что в этом такого? – Надулась Эля. – Это же круто! Ты только представь! Весь университет будет...

– Эля! – Я прикрикнула на подругу. – Ты очумела? Удали сейчас же!

Она стушевалась и поникла, поняла, что на эмоциях сделала то, что задело меня. Эля – хорошая подруга, но иногда её заносит, и она потом сожалеет о своей импульсивности.

– Блин, – Эля подняла на меня виноватый взгляд от экрана смартфона. – Я удалила, но было уже сорок три репоста. Вот же блин... удалённое видео не исчезает из репостов.

Прикрыв глаза, я отвернулась, пока Эля и Ждана притихли за спиной. Стащила толстовку Матвея и бросила её на свою кровать. Ещё раз написала маме, а потом вытащила из

шкафа полотенце, свежее бельё, накинула на платье халат и побрела в душ, очень надеясь никого не встретить по пути.

Закрывшись в кабинке, я разделась и встала под душ. Прикрыла глаза, когда кожи коснулись горячие струи воды.

Я попыталась расслабиться, и вроде бы начало получаться. Мышцы отдались лёгкой болью, которая бывает, когда долго находишься в напряжении, а потом пытаешься расслабиться. Но вместе с этим в груди начало жечь.

Всё, что произошло со мной вчера, казалось нереальным. Было ли это вообще?

Было.

И встреча с любимой группой, и стрельба, и чужая пустая постель.

И губы Матвея Зимина на моих. Его руки на моей талии.

При воспоминании о прикосновениях МаЗа, я сжала ладони в кулаки и упёрлась в стену. Внутри бурлил очень странный коктейль – к восхищению и обожанию, которые я испытывала к нему раньше, добавился страх. Матвей Зимин действительно теперь пугал меня.

И весь этот коктейль, разлившись по венам, заставил кожу пойти мурашками даже под струями горячей воды.

Я знала, что этот эпизод остался в прошлом, что я больше никогда его не увижу в реальности, но внутри странно жгло. Всё, чего мне сейчас хотелось, это вставить в уши наушники и включить его голос.

Именно это я и сделала, выйдя из душа. Даже отказалась

от завтрака, хотя девчонки настойчиво предлагали. Игнорируя, что сейчас в самом разгаре день, я закуталась в свой банный халат и забралась под одеяло, а потом включила на повтор Тотемовское «Чудовище», заново раз за разом проживая смысл текста и теперь точно понимая, о чём эта песня. А точнее, о ком.

Добби

Уже после первой пары мне захотелось помыться. И в группе на лекции, и в коридорах на меня смотрели и шептались или переглядывались. Липкие чужие взгляды доставляли жуткий дискомфорт.

Не могу сказать, что я была закрытой и необщительной, нет. У меня были подруги в школе в родном Волгограде, и в художественной студии тоже были. Но душой компании я никогда не была, и в центре внимания тоже. Даже когда к доске выходить приходилось, чувствовала себя напряжённой.

Но то, в какой фокус я попала сегодня, казалось мне невыносимым.

Я зашла в раздевалку нашего потока и привалилась спиной к стене, спрятавшись между куртками. Мне срочно нужна была передышка, пока моя кожа не пошла ожогами под этими взглядами.

– Лора, – несмело позвала Эля, и я услышала шорох раздвигаемых курток. – Я знаю, что ты здесь.

Её обеспокоенное лицо показалось между рядами, где я спряталась.

– Здесь, – сказала я глухо и не удержалась от шпильки из-за обиды. – Надеюсь, ты без камеры.

Эля подошла ближе и остановилась, опустив пристыжен-

но взгляд. Она закусила губы и с сожалением посмотрела на меня, а потом протянула стакан кофе. Это был очень искренний жест, тем более я знала, в каком финансовом положении она сейчас находится – её родители развелись, и адвокат всё вывернул так, что Эля и её мать остались буквально ни с чем, всё забрал отец, которого ни бывшая жена, ни дочь совершенно не интересовали. И для Эли, которая привыкла жить в достатке, это оказалось настоящим ударом.

Поэтому да, стакан кофе для неё роскошь. И то, что она купила его для меня, уже показывало, что Эля очень сожалеет и очень старается исправить то, что вышло.

– Спасибо, – кофе я приняла, потому что отказ бы её обидел.

– Прости меня, Лора, – Эля посмотрела своими огромными зелёными глазами на меня с искренним сожалением. – Я такая дура! Совсем уже с этим блоггом помешалась. Мне жаль, что всё так вышло.

Пожав плечами, я кивнула. Что уже поделаться... А Эля обняла меня.

– Слушай, может, не всё так плохо? – защebetала она, чуть расслабившись после моего прощения. – Может, это твой шанс стать популярной? Ты только представь, насколько на самом деле они все завидуют!

– Возможно, – я покачала головой. – Но я не из тех, кто сумеет воспользоваться такой популярностью. Я её не хочу, Эля.

Эля не стала настаивать. Мы выпили кофе, которое она принесла, на двоих и пошли на следующую пару. В какой-то момент я даже подумала, что, может, всё действительно не так уж и плохо, но, Боже мой, как же я ошибалась.

Первые смешки я услышала на паре истории литературы. С задних рядов послышались перешёптывания и приглушённый хохот. Я сначала не обратила внимания, но заметила, как Эля под столом разблокировала свой смартфон и зашла в какой-то чат. А потом побледнела как стена.

– Что случилось? – шепнула я, а подруга тут же убрала телефон в сумку и посмотрела на меня, втянув голову в плечи.

Эля выглядела растерянной. Её взгляд метнулся наверх лекторского зала, а потом снова ко мне.

– Эля? – спросила я уже требовательнее, стараясь говорить тихо и не привлечь внимания преподавателя.

– Ты только не обращай внимания на этих идиотов, ладно, Лора? – сдавленно прошептала Эля, съёживаясь ещё сильнее.

– Что там? – я нахмурилась. Вид подруги пугал.

Эля сглотнула и протянула мне свой телефон.

Это был университетский чат-болталка. Чат на восемь тысяч человек... И там... там... были выложены мои фотографии. Точнее целый комикс, сделанный через нейросеть, а в главной роли были я и Матвей Зимин.

У меня моментально прошибло потом спину, а во рту стало сухо.

Иллюстраций было четыре. На первой я на коленях перед Зиминим. На второй он с довольным лицом застёгивает ширинку, на третьей я ворую его толстовку, спрятавшись за колонкой на концерте, а на четвёртой меня вышвыривают из клуба под руки охранники.

И огромная лента комментариев с насмешками. Кто-то утверждал, что я просто своровала толстовку и всё выдумала, что Зимин на такую бы никогда и не глянул, что у него сотни тысяч фанаток. Кто-то ржал, что я обслужила ртом всю группу и со мной, как с домовым эльфом Добби¹, расплатились одеждой.

И тому подобная грязь.

Тонны грязи.

Мне показалось, я сейчас рассыплюсь на мелкие кусочки. Прямо тут, в аудитории.

Дышать стало нечем. Вся кровь будто к лицу бросилась, и оно вспыхнуло таким жаром, что кожа начала болеть. Горели даже уши, шея и корни волос.

– Лора... – с сожалением прошептала Эля, а Ждана под столом сжала мою руку.

Казалось, ещё секунда, и я просто умру. Упаду и больше не встану.

Дрожащими руками я сгребла свои тетради в сумку, выскочила из-за стола и бросилась к двери под поднявшийся

¹ Персонаж из фэнтези романов о Гарри Поттере англ. писательницы Дж. К. Роллинг.

гул голосов и строгие предупреждения преподавателя.

– Лисицына! – Только и услышала я в спину, когда вылетела из аудитории.

Но легче мне и за пределами её не стало. Прозвенел звонок с пары, и из всех аудиторий стали вываливаться толпы студентов. Может, они и не смотрели на меня, может, большинству я была совершенно и неинтересна, но моё восприятие сейчас было гипертрофировано, и казалось, что каждый взгляд прикован ко мне.

Я припустила по коридору, по лестнице, через главный холл к выходу. Запнулась на турникетах, а когда прорвалась наружу, то и тут меня ждал кошмар.

На ступенях стояли третьекурсники с факультета спортивного менеджмента. Эту компанию знали как полных придурков. Я за несколько месяцев обучения была наслышана.

– Эй, рыжуха, – бросил развязно один из них, зацепив меня за локоть, когда я уже собиралась сбежать по ступеням. Популярный красавчик-блондин, за которым увивались половина девушек нашего журфака. – Затусишь сегодня со мной? А я тебе куртку подарю. Куртка куда теплее, чем толстовка.

Все шестеро мудаков зашлись противным смехом, а я едва сдержала слёзы, чтобы не расплакаться прямо тут, при них. Выдернула руку и припустила к воротам за парковкой. Я даже капюшон не набросила, хотя ледяной ветер начал трепать мне волосы.

Я замедлила шаг, потому что лёгкие уже горели, а сердце выскакивало из груди, но с ужасом поняла, чтобы эти придурки подались за мной.

– Да подожди ты, смотри, какая резвая, – хохотнул тот же, что схватил меня за рукав. – Давай поболтаем!

И тут я увидела, что ворота за парковкой закрыты на цепь. Я всегда ходила через них, а не через парадные – так ближе было к моей остановке. Обернувшись, я увидела этих шестерых.

Я оказалась в западне...

Не думаю, что они бы что-то сделали прямо тут, но понасмехались бы всласть. Им мёду не надо, как кого-то унижить и высмеять.

– Пропустите! – сказала я громко и чётко, чтобы не показывать, что на самом деле мне было дико страшно. Но эффекта это, конечно, не вызвало. Они только заржали, как кони, а тот блондин двинулся на меня.

В растерянности я отступила назад, понимая, что сзади меня только машины и забор, а сбоку здание корпуса университета.

– Просто пообщаемся, рыжу-у-уля. Ты же с первого курса? С журфака, да? И как я тебя не заметил раньше-то.

Ухмыльнувшись, придурок подошёл совсем близко. Внутри у меня пульсировала паника, в ушах был слышен оглушительный шум собственной крови.

А потом всё произошло как-то быстро и неожиданно. На

мгновение лицо этого имбецила пришло в замешательство, он посмотрел мне за спину и побледнел, а через секунду ему в горло вцепилась рука.

Крепкие длинные пальцы с крупным серебряным перстнем в виде черепа сжали горло блондина, а я рядом почувствовала знакомый аромат туалетной воды, от которого внутри всё моментально вспыхнуло.

– У тебя проблемы со слухом, уёбище? – низкий спокойный голос МаЗа заставил вздрогнуть.

Я замерла, не дыша. Повернулась к нему, посмотрела ошалело и несколько раз моргнула, чтобы убедиться, не привиделся ли он мне.

Что Он Тут Делал?!

– Слушай, чувак... – прохрипел третьекурсник, вытаращив глаза и вцепившись в руку Зимина. Он был тоже совсем не мелким на вид, но Зимин был выше и явно крепче. И он был... Зиминым.

– Чувак – это кастрированный баран, – спокойно продолжил Матвей, сильнее сжав пальцы, отчего лицо у блондина начало краснеть. – Ты не в курсе?

Парень мотнул головой, но это на ситуацию никак не повлияло. Друзья же его, хоть и напряглись, стояли на месте. Они было дёрнулись, сделав попытку подойти, но застыли, когда Матвей вытащил из кармана пистолет.

У меня внутри тоже всё похолодело, но я не смела и двинуться. Просто стояла, словно к месту приросла. Вцепилась

в ручки своей сумки до белых костяшек, боясь даже громко дышать.

– Значит так, – МаЗ сжал горло блондина сильнее, вынудив открыть рот, а потом засунул в этот рот дуло пистолета и заставил его опуститься на колени. Тот весь затрясся, глаза округлились и отображали настоящий ужас. – Ещё раз я увижу, что эту девушку кто-то цепляет, в твой рот я запихну уже кое-что другое, придурок. Это первое.

Матвей говорил абсолютно будничным, даже скучающим тоном. Я же, казалось, от напряжения даже дышать уже перестала.

– Второе. Я в курсе, кто запустил эту мерзость в чат. И даю тебе двадцать минут, чтобы этой херни и следа не осталось. Усёк?

Блондин продолжал слегка подрагивать, и тогда Матвей просунул пистолет тому в глотку чуть глубже. Парень тут же закивал.

– Отлично, – Зимин вытащил дуло пистолета и вытер его с брезгливой гримасой о бомбер парня. – А теперь уёбывай.

Дважды тому повторять не пришлось. Он подался назад с низкого старта и, бросив на меня полный ненависти взгляд, кивнул остальным парням, и они торопливо двинулись обратно ко двору университета.

Я же, всё ещё сжимая свою сумку, словно это последний оплот реальности для меня, перевела глаза на Зимина.

– Поехали, – он взял с капота машины, что стояла сзади,

мотоциклетный шлем и протянул мне. – Поговорить надо.

Чизкейк и кофе

Чуть дальше, за парой машин я увидела припаркованный мотоцикл.

Это на нём он предложил мне куда-то ехать?!

О Господи, не-е-ет!

Я боюсь даже смотреть на проносящихся мотоциклистов, не то чтобы представить себя на одном из них. На мотоцикле в смысле.

И... стоп!

Мне вообще никуда с ним идти не стоит!

Зачем? О чём поговорить?

Да у него же пистолет вместо брелока за поясом.

Нет уж.

Я прижала сумку к себе и, игнорируя протянутый шлем, отступила на шаг.

– Боишься? – Зимин чуть прищурился, рассматривая меня.

Я мотнула головой, соврав.

– А они думают, что боишься, – подмигнул МаЗ, и я повернулась в сторону входа в университет. На углу там стояла и глазела целая толпа. Среди них и Эля со Жданой. Эля подмигнула, а Ждана одобрительно кивнула, сжав руку в кулак и подбодрив.

Вот блин...

Сердце ощутило толкнулось и замерло. Мне захотелось поджечь всем этим ублюдкам, что смеялись надо мной, их задницы.

Страшно ли мне было ехать с ним?

Да.

Поехала ли я?

Да!

Я взяла шлем и надела на голову, стараясь не анализировать, что же я вытворяю. Не слушать тот самый противно пищущий сигнал системы самосохранения, снова отключая её.

– Блин... – выругалась я тихо, когда с первого раза не смогла застегнуть шлем. Да я и понятия не имела, как это делать.

Матвей же подошёл ко мне и протянул руки к моему подбородку, заставив приподнять голову. С его ростом иначе бы и не вышло.

Пока он застёгивал на мне шлем, я успела испытать кислородное голодание, потому что почти перестала дышать.

Потом он взял меня за руку и подвёл к мотоциклу. Кажется, ещё секунда и я хлопнусь в обморок от страха. Даже не скажу, что способно напугать меня больше – перестрелка в клубе или езда на мотоцикле. Ну вот и посмотрим как раз, первое ведь уже было, осталось второе.

Матвей надел свой шлем и сел на мотоцикл.

– Садись сзади и крепко обхвати меня руками, – отдал приказ.

Мои ноги дрожали, но я приложила максимум усилий, чтобы это было не замечено. Взобралась на мотоцикл даже относительно грациозно. А вот со второй частью пришлось совладать, игнорируя перебои в сердцебиении. Но я сделала, как он сказал – обхватила его талию и прижалась к широкой спине.

Матвей опустил визор, мотоцикл зарычал и тронулся с места, а я сделала глубокий вдох и крепче вцепилась в его куртку.

Зимин был артистом и профессионально умел играть на публику. И сейчас он не преминул сделать это, агрессивно проехав полукругом прямо у ног столпившихся студентов, которые резко подались назад. И сделал это, наклонив мотоцикл на бок, что я даже в панике подумала, что мы сейчас упадём.

Но потом Матвей выровнял своего железного коня и выехал за ворота университетского двора, прокатил через аллею парка и только потом вырулил на автодорогу. А вот там он выжал газ и набрал скорость, заставив меня тихо молиться, зажмурившись.

Ветер трепал мою куртку, и мне казалось, что расслабь я руки хоть на немного, меня тут же снесёт. Сердце в груди билось через раз, замирая между ударами.

Но через несколько минут я вдруг как будто немного расслабилась. Адреналин по прежнему плескался в крови, но в груди появилось странно-приятное ощущение тепла.

Матвей петлял между машинами, притормаживая только на светофорах. Минут через двадцать остановился у небольшой кофейни. И пока я пыталась слезть с мотоцикла, что на дрожащих ногах не очень-то и получалось, Зимин просто обхватил ладонями мою талию, приподнял и поставил на землю. И снова с той же лёгкостью, как когда в клубе закинул меня на плечо.

Одним движением он осторожно отстегнул ремешок на моём шлеме и снял его. Ветер тут же подхватил мои волосы, разметав их, а Матвей посмотрел так странно, что я не выдержала и опустила глаза.

– Идём, – кивнул он на дверь кофейни и, повесив на локоть оба шлема, двинулся ко входу первым.

В кофейне было тепло и вкусно пахло кофе и выпечкой. Я обожала запах корицы и ванили, и сразу же поймала его и втянула с наслаждением. Да и вообще место было небольшим и уютным.

Матвей остановился возле одного из столиков, положил шлемы на диванчик и кивнул мне на кресло напротив, приглашая присесть. Я опустилась, но несмотря на то, что кресло было мягким и удобным, словно на битое стекло села.

Кофейня выглядела безопасным местом для разговора, но о чём Зимин в принципе хотел со мной поговорить?

Угрожать станет, чтобы языком не болтала о том, что видела?

Но я и так не стану. Достаточно того, что я увидела. Тут и

дураку понятно, что Зимин не просто звезда сцены, и лучше об этом не трепаться.

К нам подошла девушка-официантка. Она сначала мило улыбнулась, но потом дважды моргнула и уставилась на Матвея. В глазах отразилось узнавание, официантка побледнела, вытянулась и сжала руки в кулаки.

– Добрый день, – пролепетала она, продолжая таращиться на МаЗа. – Что будете? Кофе или что-то поесть хотите? У нас есть очень вкусные шоколадные чизкейки. Или ягодные.

– Что будешь? – Матвей посмотрел на меня, а официантка сглотнула и поджала губы, отчего я себя почувствовала неуютно.

– Я не голодна, – покачала головой, но Зимин продолжал требовательно смотреть, нахмурившись, и пришлось сдать ся. – Латте с корицей и ванилью, – сказала я.

– Два чизкейка и чёрный чай, – добавил Матвей, девушка кивнула, но с места не сдвинулась. Через пару секунд всё же спохватилась и быстро ушла делать заказ.

– Не любишь кофе? – Я попыталась немного разрядить возникшую паузу. Матвей продолжал молча рассматривать меня, и я не знала, куда деть взгляд.

– Не люблю.

И снова молчание.

И этот его внимательный, пронизывающий насквозь взгляд.

Девушка вернулась с заказом довольно быстро. Поставила

возле Матвея два блюда с чизкейком и чашку чая, а передо мной высокий бокал с кофе.

– Приятного аппетита, – улыбнулась она и с явным сожалением отошла от нас за стойку.

Одно блюдо с чизкейком Матвей подвинул ко мне. Я хоть и не просила, но отказываться не стала. Тем более, что чизкейк действительно выглядел очень аппетитно.

Обхватив ножку бокала пальцами, я посмотрела на Зимина. Его молчание заставляло меня ёрзать на стуле, и я снова не выдержала.

– Если ты переживаешь, что расскажу кому-то о том, что видела в клубе, то можешь не волноваться. Я никому не скажу, – выпалила я и почувствовала, как щёки начали теплеть.

– Нет, я не об этом хотел поговорить, – он взял вилку и отделил ею острую часть кусочка своего чизкейка, но взгляд опустил лишь на секунду, а потом снова впился им в моё лицо. – Я хотел извиниться за то, как повёл себя с тобой, Лора. Мне очень жаль.

Было ощущение, что это извинение далось ему совсем непросто. Зубы были сжаты, брови напряжены и сдвинуты ближе к переносице. Словно он сам обкатывал на языке эти странные для себя слова.

А уж как это извинение удивило меня!

Я даже дар речи потеряла. И вместо ответа спряталась за бокалом с кофе, делая глоток.

Признаться, я не знала, что сказать в ответ.

Ничего? Забей?

Ну...

– Было... страшно, – честно призналась я, не уточняя, что именно. Потому что страшно было и его настойчивое предложение за шторкой, и то, что случилось после.

– Сожалею.

– М... – я откашлялась. – Принято.

– Спасибо, – кивнул Зимин. – А теперь ешь.

Прозвучало это как безапелляционное распоряжение, и я даже опешила немного. Но послушно взяла вилку и тоже отделила себе небольшой кусок чизкейка, а потом положила его в рот. Шоколадный вкус был изумительным, но я неумолимо снова начинала краснеть, потому что Зимин продолжал шарить по мне внимательным взглядом. И я даже искренне обрадовалась, когда у меня в сумке зазвонил телефон.

– Извини, мама, наверное, – я смущённо пожала плечами и потянулась к сумке.

– Так ответь, – чуть вздёрнул бровь Матвей, не изменившись в лице.

Я открыла сумку и стала копошиться в ней в поисках смартфона, которые вибрировал и звенел как-то слишком уж нервно.

Звонила Эля. А ещё на предпросмотре висели от неё и Жданы несколько сообщений, а в последнем было истеричное: «Ты там хоть жива????»

Звонок я сбросила, а в наш чат на троих сбросила короткое ОК.

– Извини, – смущённо улыбнулась я МаЗу и снова положила телефон в сумку, но случайно зацепилась рукавом свитера за что-то. А вытянув руку, обомлела.

Господи, ну и позорище...

Боишься?

Когда я вытащила руку из сумки, то в первые секунды не сразу заметила, что за рукав свитера зацепился мой брелок. Он выскочил из сумки и брякнулся на пол.

Я дёрнулась, чтобы его поднять, но не успела. МаЗ подхватил вещицу первым.

И всё бы ничего, если бы это ни был... он.

Точнее, его миниатюрная фигурка с гитарой в руках, которую я сделала из полимерной глины этим летом.

И получилась она очень похожей. Даже надпись «Тотем» на куртке была.

Наверное, облейся я кофе, и то было бы не так стыдно и позорно.

– Прикольный брелок, – Зимин покрутил фигурку в пальцах, рассматривая, а я ощутила, как моё лицо постепенно превращается в пепелище. – Это же я?

– Да, – ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Только гитара не моя, – внезапно Матвей улыбнулся. И не так, как обычно на сцене или постерах – своей демонической улыбкой, а как-то по-мальчишески, с ямочками на щеках, от вида которых у меня кольнуло в груди. – Это Богдана Запалина.

– А в чём разница? – смущённо переспросила я. Мне казалось, я выдержала всё до мелочей, специально рассматри-

вала постеры и фотки в интернете.

– Это бас-гитара. У неё четыре струны и ремень обычно шире, потому что она тяжёлая.

Этого я точно учесть не могла...

– Не знала, – я спрятала улыбку, ощущая, как лицо всё ещё пылает. Всё-таки это слишком стыдно вот так спалиться.

– Ты... сама её сделала? – Зимин оторвал взгляд от брелока и посмотрел на меня с недоверием.

– Да, – кивнула я и почувствовала, как гореть начали уже даже кончики ушей. Взяла вилку и, чтобы хоть немного переключиться, отломил кусочек чизкейка, даже не представляя, как смогу его сейчас проглотить и не подавиться. – В школьные годы я ходила в художественную школу, занималась скульптурой. Потом начала делать всякие милые штучки из полимерной глины. Украшения, брелоки, лепнину на кружки и ложки всякие сувенирные.

– Прикольно, – МаЗ снова улыбнулся, а я едва не потеряла сознание, опять увидев эти ямочки. – Мне нравится. «Милая штучка» в виде меня. Получается, я тоже милый?

Вопрос он задал в шутку, только вот смотрел как-то серьёзно. И ответить что – я не нашлась. Только пожала плечами, пробормотав глупое «возможно».

И только я хотела протянуть руку и забрать свой брелок, как МаЗ сунул его в карман своей куртки.

– Эм... – я растерянно моргнула, растерявшись и не зная, как реагировать.

– Оставлю себе, – он непринуждённо пожал плечами. – Как подарок. Ты же не против?

В ответ я лишь покачала головой. Даже если бы и против была, то не решилась бы возразить.

Чтобы скрыть смущение, снова потянулась к чизкейку, напоминая себе, что если я так на каждом нерве буду братьяся за сладости, то скоро в дверь не пройду. И всё же сейчас мне нужно было как-то снять напряжение, потому что казалось, что оно буквально звенит вокруг меня в воздухе.

Но это, похоже, только для меня, Зимин же выглядел ослабленным и вполне спокойным.

– Где ты живёшь? – вопрос показался неожиданным и немного пугающим. Мама всегда говорила, что малознакомым людям не стоит сообщать своё место жительства. Но учитывая, что я проснулась прошлым утром в его постели, наверное, это другое.

– В общежитии.

– Там, наверное, весело, – Матвей сказал это даже с какой-то грустью, или же мне показалось...

– Вообще-то не особенно, – пожалала плечами я. – Иногда там слишком весело. А это не очень хорошо влияет на учёбу. И, кстати... как ты узнал, где я учусь?

– Я тоже учусь в Политехе. Только на заочке. И у меня там есть... скажем так, некоторые знакомства.

Оу. Неожиданно. Понятно, что на дневном у него нет возможности учиться, ведь, наверное, вся его жизнь это репе-

тиции, подготовка к концертам и сами концерты.

Или... нет?

Сомнения у меня возникли, когда я вспомнила, что в правом кармане куртки у него вообще-то пистолет. И сразу стало не по себе. Особенно, когда перед глазами всплыла картинка, как уверенно и хладнокровно он стрелял в тех людей тогда в клубе.

Ощущение тишины и относительной безопасности тут же рассеялись. Горло сдавило, по плечам поползли мурашки. Я словно потеряла бдительность, отвлеклась, позабыв, что передо мною не обычный парень, а настоящий хищник.

Да, именно так. Идеальная ассоциация. Он не милый лаборатор, он – волк. Дикий и с острыми клыками, способными разорвать в клочья. А я, дурочка, сижу и растекаюсь лужицей от его ямочек на щеках вместо того, чтобы думать, как улизнуть и побыстрее оказаться у себя в общежитии.

Зимин будто заметил изменения во мне, хотя я и пыталась виду не подавать. Возможно, я как-то неосторожно метнулась взглядом к карману его куртки, где лежал пистолет.

Матвей прищурился, чуть склонив голову на бок, от улыбки не осталось и следа.

– Лора, скажи мне... – позвал негромко, – ты боишься меня?

Поразительно... Меня буквально передёрнуло от того, насколько точно он считал моё состояние.

– У тебя ведь пистолет в кармане, – я старалась говорить

спокойно. Не видела смысла юлить.

– Тебя это пугает? – МаЗ смотрел так внимательно, что я начала чувствовать нервную дрожь в кончиках пальцев снова.

– А разве не должно? – скорее выдохнула, чем спросила вслух.

– Очень даже должно.

Матвей сказал это весьма серьёзно. Даже мрачно. И намёка на шутку или хотя бы сарказм в его словах отнюдь не ощущалось. Я сжала пальцы в кулак под столом, чтобы немного взять себя в руки.

– Если ты доела, то поехали. Я отвезу тебя в общежитие.

– Я могу и на автобусе.

– Можешь. Но поедешь со мной.

Интересно, а если я воспротивлюсь, он возьмёт меня за шкурку и потащит? Или как в клубе – забросит на плечо?

Но проверять я не решилась. Кивнула, натянула куртку, взяла свою сумку и пошла за Матвеем на улицу к его мотоциклу.

Странный разряд

Матвей

– Уверен, что девчонка будет молчать?

Артист вальяжно привалился спиной к косяку и прищурился, глядя на меня. Видеть его в образе препода было ржачно, но данный разговор к смеху не располагал.

– Уверен, – я ответил хмуро и засунул руки в карманы куртки, тоже привалившись спиной к стене в пустой аудитории. Нашупал брелок, который вчера забыл в кармане и сжал его пальцами.

– И ты сможешь закрыть ей рот, если что-то пойдёт не так?

Мне не нравились его вопросы. Они странно коробили, вынуждая меня чувствовать непривычный дискомфорт.

– У меня когда-то были с этим проблемы? Не будет и с девчонкой.

Богдан выгнул бровь и стал похож сам на себя – с блядской подъёбкой во взгляде. В костюме и рубашке в образе препода, куда его заслал по делу Шорох, Артист выглядел старше, но стоило ему вот так посмотреть, он снова становился похож на себя.

– Я разберусь, Богдан. Я даже не уверен, что она что-то

вообще успела увидеть. Отключилась до того, как Самвэловские черти скорчились там на полу в коридоре.

– Ну смотри, – цокнув, он покачал головой. – Сам знаешь, как Шорох относится к случайным свидетелям.

– Ну ты, судя по всему, ему про свою случайную напарницу не рассказал, так ведь? – я подмигнул, отзеркалив его жест, и Артист тут же нахмурился.

– Матвей... – проговорил уже глуше и с предупреждением.

Подъёбывать умел не только Богдан. Хотя, признаюсь, распознавать его сарказм я научился далеко не сразу. У меня вообще с этим были проблемы всё детство – мне сложно видеть скрытые или двойные эмоции. Да и вообще любые. А уж намёки, ирония, чтение между строк – точно не моя фишка. Всё, что не озвучено прямым текстом – не понято мною.

Это доставляло мне много трудностей. Адаптация в детском доме и так вещь непростая для пятилетки, а когда не знаешь, кому доверять, не понимаешь, кто искренен, а кто пытается тебя обмануть с собственной выгодой, уж тем более.

Но с Богданом, несмотря на его тягу к некоторым саркастичным иносказаниям, мне оказалось относительно легко взаимодействовать. Легче, чем с большинством. И как бы меня не бесил своим острым языком, он был надёжным товарищем и другом.

– Ладно, мне пора, – я оттолкнулся от стены, которую под-

пирал спиной. – У тебя тут звонки, вся фигня. Давай, препода, не лажай.

Богдан поморщился и покачал головой. Ему не сильно горела идея изображать из себя препода на замещении, но это требовало задание Шороха. И, кажется, у Артиста появились некоторые осложнения.

Набросив капюшон, я спустился по закрытой на ремонт лестнице, чтобы меньше попадаться на глаза. Общение с людьми сегодня не входило в мои планы. Да и пора было ехать на репетицию, я и так опаздывал.

Едва сел за руль и собрался выезжать с парковки, как увидел спешащую ко входу Лору. Она явно замёрзла в своём тонком пальто, поэтому шла, обхватив себя руками. Длинные огненные волосы трепал ветер. Лора шла быстро, явно желая поскорее оказаться в тепле здания университета.

Я сжал руль и подавил странное желание выйти и пойти за ней. Или позвать в машину, чтобы согрелась.

Странная тяга к этой девчонке, пахнувшей ванилью и шоколадом, меня удивляла и раздражала. Но больше всё же удивляла.

Раньше всё решалось просто. Не нужно было задумываться и заморачиваться. Девушки были просто атрибутом той жизни, которая мне открылась после поддержки Шорохом моего первого альбома. Дальше само полетело так, что попервой голова кружилась. Сложно было поверить во всё это. Музыка, тусовки, деньги, фанаты... Нас с первых концертов

начали перевозносить, но было одно но – мир эмоции так и оставался для меня заперт.

Я почти ничего не чувствовал. Точнее, это была либо стена, либо я не мог отличить искренность от понтов. Путался, картина смазывалась, ощущения превращались в ядовитый коктейль и в итоге ушли в привычное молчание.

Только на сцене во время концертов я смог выпускать это странное электрическое облако, которое жгло грудь изнутри. Шаровая потрескивающая молния начинала вибрировать и светиться лишь когда я брал в руки микрофон, и всеобщее обожание сливалось в общую тягучую патоку, обволакивающую плотным коконом. Но стоило музыке замолчать, всё глохло и тухло, стена возвращалась.

Но эта девчонка... Стоило почувствовать её запах, электрическое облако выдало разряд. Станный, неуместный, болезненный. Короткий, но осязаемый.

Я даже не сразу понял. Думал осечка. Хотел проверить, но её неожиданное «Пожалуйста, не надо» выбило второй разряд.

Третий я получил, когда, вернувшись в квартиру, взял свою подушку, на которой спала Лисичка, и втянул её сладкий запах. Рвануло слишком ощутимо. Даже болезненно. Отдало покалыванием в кончики пальцев.

Первым желанием было, чтобы это больше не повторялось. Потому что ощущения слишком странные и чуждые мне.

Но что самое необъяснимое, всё моё нутро желало ощутить это снова. Проверить, не ошибка ли, и почему так замякнуло.

Лисичка взбежала по ступеням и нырнула за высокие двери корпуса, а я почему-то продолжил сидеть и пялиться на эти самые двери. Сам не заметил, как достал из кармана брелок. Повертел его в пальцах, пытаюсь представить, о чём она могла думать, когда делала его, но наткнулся на тишину. Стена снова не пускала понять чувства и эмоции другого человека.

Но в этот раз это задело меня. Ни разу такого не было. Бывало, что злило, но редко. Обычно было абсолютно плевать. Но сейчас я тщетно приглядывался, будто сквозь туман, и начал ощущать смутную тревогу от того, что разглядеть мне было не дано. Когда-то сломанная душа так и не обрела эту способность, хотя все переломы и заросли.

Сжав брелок, я снова запихнул его в карман и, вырвав с парковки, направился в единственное место, где туманность ощущений хоть немного рассеивалась – в студию.

Сюрприз

Лора

– Варламов, мне кажется, или вы заняты не тем? – новый препода, который пришёл временно на замену Петра Викторовича, повысил голос, выгнув бровь и глядя на парня из нашей группы. – Я тут вроде бы рассказываю, если вы не заметили. И очень не люблю напрягать голос, а вы меня вынуждаете это делать.

Варламов скривился, но замолчал. Он ещё перед парой в коридоре выделялся, что не собирается слушать препода, который от силы на пару-тройку лет старше его самого.

А как по мне, не имеет значения, какой возраст у преподавателя, если он знает мастерски своё дело и готов делиться опытом со студентами. Множество примеров, когда молодые журналисты, врачи, учителя, учёные превосходили своих более умудрённых опытом коллег.

– Так, друзья, мои, – Богдан Александрович хлопнул в ладоши. – А теперь открывайте свои конспекты, и я даю вам ровно шесть минут, чтобы вы заполнили сравнительные таблицы.

Раздались вздохи, щёлканье ручек и шелест страниц тет-

радей.

– Капец, – Эля закатила глаза. – Вот тебе и симпатичный препод вместо старикашки. Мог бы и не кошмарить всеми этими конспектами и таблицами.

– А что он должен был сделать? – с тихим смешком отозвалась с другой стороны Ждана. – Расстегнуть рубашку и продемонстрировать пресс?

– Да хотя бы и так, – вздохнула Эля.

– Кстати, – добавил, повысив голос, Богдан Александрович, – можно обсуждать выполнения заданий с ближайшими соседями, но негромко.

Лекторский зал тут же отозвался монотонным гулом, среди которого дай Боже если процентов сорок было посвящено составлению таблицы. Но я всё же постаралась заняться делом. Так или иначе, а работу выполнять придётся, только лучше сейчас потратить на это время, чем заставлять себя вникать потом.

Где-то наверху раздался хлопок двери в зал, но я не обратила внимания. Гул как-то на несколько мгновений стих, а потом возобновился, но в другой тональности. Я сначала проигнорировала эти изменения, решив, что, возможно, в лекторий заглянула наша куратор, а потом ушла. А когда поняла, что стало причиной, уже было поздно.

Эля пихнула меня в бок, заставив оторваться от таблицы и повернуть голову в сторону прохода, от которого меня отделяло пару пустых мест рядом на лавке за столом.

Сверху по проходу вальяжно спускался Матвей Зимин. Он... совсем уже, что ли?

Меня буквально подбросило на месте. Спина выпрямилась в напряжении, пальцы сами собой сжали ручку до хруста.

МаЗа, кажется, совсем не напрягало то, что, вообще-то, в аудитории был преподаватель! Он говорил, что учиться тут заочно, но разве заочникам можно вот так вот заявляться на пары в любую группу?

На него смотрели все. Пялились, не моргая. Девчонки начинали перешёптываться, хихикать. МаЗ, кстати, был не один. С ним высокий светловолосый парень в серых джинсах, кожаной куртке и с мотоциклетным шлемом на локте. Этот парень выглядел не таким хмурым и неприступным, как Зимин. На губах играла лёгкая улыбка, а в глазах светился азарт.

Напротив меня на ряду через проход девчонка со старшего курса, с которым у нас были общие лекции, неожиданно закрыла лицо руками, увидев этого парня, а уже через мгновение он разнузданно шлёпнулся возле неё на лавку, закинув руку ей за спину.

А Зимин как ни в чём ни бывало опустился на свободное место возле меня.

Я застыла, не дыша. Слюна в горле стала вязкой, когда аромат его туалетной воды вонзился мне в нос. Гул в аудитории рос, и мне казалось, что у меня вот-вот заложит уши,

в которых я сейчас слышала шум собственной крови.

– А-ну тише! – сердито выдал Богдан Александрович, грозно посмотрев на присутствующих студентов.

Он словно не заметил заявившихся без разрешения парней, хотя это было невозможно. Однако, им он не сказал ничего, а шум в аудитории таки стал стихать, хотя напряжение, готовое взорваться громким обсуждением, никуда не делось.

– Ты... что здесь делаешь? – выдавила я, когда Матвей, по примеру своего приятеля, закинул руку мне за спину, и я тут же ощутила лёгкое покалывание под лопатками от нервного напряжения.

– Я же говорил, что учусь тут, – ответил он, пожав плечами и делая вид, что внимательно слушает Богдана Александровича, который как раз продолжил читать лекцию, включив таблицы на мультимедийном экране.

– На заочном!

– И что? – МаЗ бросил на меня короткий невинный взгляд. – Я вот некоторые темы сам не смог разобрать. Поэтому и пришёл послушать. Декан договорился.

В озвученном, признаться, я сильно сомневалась, но добиваться другого ответа смысла не было. Матвей бы всё равно не сказал. Да и... скажи он – что я буду делать с этим ответом?

Поэтому я постаралась дышать ровно и попыталась вникнуть в то, что рассказывал преподаватель. Хотя, признаться, было это непросто. Особенно, когда я почувствовала едва

ощутимое касание к своей спине на уровне лопаток.

Дыхание тут же споткнулось, и мне пришлось призвать на помощь всё своё самообладание, чтобы удержать рваный выдох и никак не выдать себя. Я тайно надеялась, что прикосновение вышло случайным, но оно повторилось. Снова неведомое, лёгкое. Я не видела лица Матвея, потому что придвинулась к столу, он же, наоборот, откинулся на спинку.

На нас смотрели, наверное, все. Кто-то прямо и открыто, кто-то украдкой бросал косые взгляды. И если для Матвея было привычно такое внимание, то я чувствовала каждый и мне казалось, что все они оставляют на моей коже пятна ожогов.

До конца пары оставалось десять минут, но каждая из них показалась мне вечностью. За это время я почти стёрла золотистую надпись со своей ручки, нервно потирая её пальцем, чтобы хоть как-то совладать с напряжением, охватившим всё тело.

И когда прозвенел звонок, меня передёрнуло от неожиданности. Я уже не слушала, что говорил Богдан Александрович, смахнула быстро в сумку тетрадь и ручку, туда же закинула смартфон и хотела встать, чтобы одной из первых покинуть аудиторию, как моё запястье сжала крепкая рука.

– Куда собралась? – спросил Зимин посмотрев на меня в упор. Его тон был ровным, но я могла бы поклясться, что в нём был оттенок угрозы.

– В столовую, – постаралась ответить спокойно. На самом

деле я туда не собиралась, я хотела забиться в женскую уборную, чтобы отдышаться и умыться холодной водой.

– Я с тобой.

– Ч-что? – моргнула растерянно, но Зимин ответить не потрудился. Он встал из-за стола и, не отпуская моей руки, потащил за собой к выходу из аудитории.

Неожиданное предложение

Я шла немного впереди, прижимая к груди сумку. Пробиралась через густую толпу студентов, как никогда заполнивших университетские коридоры. Тут и так всегда тесно, особенно между второй и третьей парой, а сегодня тем более.

Зимин шёл чуть сзади. И он явно не так напряжён, как я. Чувствовала спиной его горячий взгляд, который, казалось, скоро прожжёт дыру у меня между лопаток. Ну или как минимум оставит ожоги на коже.

Он серьёзно собрался со мною идти в столовую?

И где Ждана и Эля?

Предательницы!

В столовой народу ещё было не очень много. Я бы тоже с удовольствием сюда не шла, аппетит-то резко отбило. Я хоть и не успела позавтракать, и с первой пары сосало под ложечкой от голода, но сейчас в том месте сосало уже по другой причине.

– Что будешь? – МаЗ, не обращая никакого внимания на прилипшие к нему взгляды, опёрся плечом о стойку окна буфета.

– Если я скажу, что ничего, ты ведь всё равно заставишь? – подняла на него глаза и тут же пожалела и об этом, и том, что ляпнула.

Но Зимин в ответ сначала около бесконечной секунды

смотрел, сдвинув брови, а потом внезапно ухмыльнулся.

– А ты быстро подхватываешь правила игры, Лисичка.

За спиной послышались короткие смешки, и взгляд Матвея посуровел и переместился за мою спину. Но там внезапно возникли Ждана и Эля. Я даже немного выдохнула, когда поняла, что они пошли за нами.

– Я сказал что-то смешное? – его бровь с маленьким серебряным колечком-пирсинга выгнулась, а взгляд сверкнул недобро.

– Нет, – откашлявшись, довольно уверенно ответила Ждана. – Просто у Лоры фамилия Лисицына. Твоё ласковое прозвище как раз в точку.

Что? Ласковое прозвище?!

Захотелось бросить в Ждану уничижительный взгляд. Желательно максимально убийственный. Но я стояла к ней спиной, а позвоночник под внимательным взглядом парня словно одеревенел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.